

УДК 82-3

*Яроцкая Ю.А.
Yarotskaya Yu.A.*

Мотив помощи и образы помощников в текстах В.К. Арсеньева

The motive of help and the images of assistants in the texts of V.K. Arsenyev

В статье выявляются, описываются и анализируются эпизоды книг В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», в которых представлен мотив помощи, исследуются образы помощников, а также те мотивы и образы, которые с ними связаны. Подробно рассматриваются начальные главы книги «По Уссурийскому краю» (гл. I–XVIII), выявленные в этом фрагменте эпизоды сопоставляются с эпизодами из других частей книги «По Уссурийскому краю», а также из книги «Дерсу Узала». Особый интерес вызывают обстоятельства, при которых оказывается помощь, виды помощи, виды благодарности, образы помощников и тех героев, которые принимают помощь.

Ключевые слова: *мотив, эпизод, образ помощника, Дерсу Узала, герой-повествователь, помощь, благодарность, забота о путнике*

The paper discovers, describes and analyses the episodes of V.K. Arsenyev's books "Along the Ussury Land" and "Dersu Uzala", which present the motif of help, to study the images of helpers and related imagery. The first chapters of "Along the Ussury Land" (I–XVIII) are discussed in detail, the episodes found in this fragment are compared with other parts of "Along the Ussury Land" and "Dersu Uzala". We are interested in the circumstances of help, types of help, types of gratitude, the images of helpers and the characters accepting help.

Key words: *motif, episode, image of helper, Dersu Uzala, hero-narrator, help, gratitude, care of traveler*

Исследуя научно-художественные произведения В.К. Арсеньева, мы выделили очень часто встречающийся мотив помощи и связанные с ним образы помощников. Данная работа является для нас первым опытом обращения к этой большой и очень значимой в изучении творчества В.К. Арсеньева теме. Целью работы является выявление, описание и анализ эпизодов, связанных с мотивом помощи преимущественно в книге «По Уссурийскому краю». Мы рассматриваем главы с I по XVIII, т.к. нам важно рассмотреть и те эпизоды текста, в которых присутствует образ Дерсу Узала – известного помощника героя-повествователя, и те эпизоды, где в роли помощника выступают другие герои. Мы прибегаем к мотивному и сравнительно-сопоставительному методам анализа текста, как наиболее подходящим для целей нашего исследования.

Первый крупный научно-художественный текст В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь

в 1906 г.» (впервые книга была издана в 1921 г. во Владивостоке) начинается с «Предисловия автора», в котором Арсеньев, следуя устоявшейся традиции, выражает благодарность «тем лицам, которые так или иначе способствовали моим начинаниям в деле исследования Уссурийского Края» [3, с. 45]. Автор благодарит и тех, кто помог ему издать книгу. В ряду первых имя Дерсу Узала упомянуто в самом конце, о нём написано больше, чем о других: «Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встаёт фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце моё надрывается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную с ним странническую жизнь... Трудно перечислить все те услуги, которые этот человек оказал мне и чинам моего отряда. Не раз, рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично» [3, с. 47].

Спасение жизни – сквозной мотив произведений Арсеньева, связанный с другим сквозным мотивом – равнодушия и жестокости природы: «По отношению к человеку природа безжалостна. После короткой ласки она вдруг нападает и как будто нарочно старается подчеркнуть его беспомощность. Путешественнику постоянно приходится иметь дело со стихиями: дождь, ветер, наводнение, гнус, болота, холод, снег и т.д. Даже самый лес представляет собой стихию» [3, с. 237].

Описывая мир природы как пространство стихий, чья сила несоизмерима с силой человека, Арсеньев подчёркивает хрупкость человеческой жизни и огромное значение одного человека для другого в мире тайги, где опасность потерять жизнь очень велика, а людей очень мало и ещё меньше тех, кто может помочь.

Поскольку помощь другому часто бывает связана с ущемлением своих интересов, а в тайге даже с большой опасностью для собственной жизни, помощник в текстах Арсеньева наделяется определёнными положительным качеством, наличие которого для героя-повествователя открывается в противоречии его убеждениям: «Раньше я думал, что эгоизм особенно свойствен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибался ли я?...» [3, с. 76].

Бескорыстная помощь людям в тайге оценивается коренными жителями края как правильный поступок, должное поведение, поступить по-иному означает нарушить закон, по которому живёт общество. Поступая недолжным образом, человек неизбежно обрекает себя на наказание, поскольку в тайге мало людей и каждый их них всё знает о каждом, это необходимо для жизни: «Тайга не город, где легко скрыться. Молодым путешественникам это надо иметь в виду. Все хорошие и худые поступки их сохраняются там на долгие годы» [1, с. 260].

Уникальность образа Дерсу в книгах Арсеньева осознаётся и в связи с тем, что он встречается в каждом крупном научно-художественном тексте автора. В книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», в которых описаны события экспедиций соответственно 1906 и 1907 гг., образ Дерсу часто находится в центре повествования.

В книге «В горах Сихотэ-Алиня» (в ней рассказывается об экспедиции 1908–1910 гг., книга издана в 1937 г. [5, с. 322]) имя Дерсу упомянуто единожды: «Помня уроки Дерсу, я принялся внимательно изучать следы, и по ним без труда восстановил картину происшествия» [1, с. 237], однако аллюзии, связанные с его образом, встречаются во всём повествовании. Например: «Люди Оджал родились и жили на берегах озера Болона» [1, с. 19].

В книге «Сквозь тайгу» (об экспедиции 1927 г.) представлены несколько образов «стариков-туземцев», близких герою-повествователю.

Многих из них, как и Дерсу, давно уже нет на свете: «Неумолимая смерть унесла в могилу многих туземцев, с которыми я встречался двадцать лет назад» . Воспоминания двадцатилетней давности – это воспоминания об экспедиции 1907 г., о которой и была написана книга «Дерсу Узала».

В течение повествования главный герой выражает восхищение таким качеством Дерсу, как наблюдательность и умение делать выводы из своих наблюдений. В «Предисловии» Арсеньев пишет: «Гольд положительно читал следы, как книгу, и в строгой последовательности восстанавливал все события» [3, с. 19]. Это качество также связано с мотивом помощи, т.к. именно оно позволяет Дерсу предвидеть опасность, следовательно, быть готовым её избежать.

Главные герои книг «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» руководствуются разными целями в своём путешествии по тайге. Для Дерсу тайга является родиной и домом, для героя-повествователя – чужой землёй, которую он исследует. В этом чужом пространстве уже до него побывали исследователи, которыми герой-повествователь восхищается. Приподнято-романтическое отношение к природе и путешественникам, прошедшим сложными маршрутами по Дальнему Востоку, часто становится причиной тех ситуаций, когда начинающему путешественнику требуется помощь: «Мне очень хотелось взглянуть на озеро Ханка, воспетое Н.М. Пржевальским» [3, с. 75].

Предупреждение Дерсу: «Моя думай, ночью будет худо» [1, с. 89], – герой-повествователь игнорирует, в результате чего подвергает опасности две жизни – свою и Дерсу. Первое страшное открытие уничтожающей силы природы: пурга на озере Ханка (именно так названа VI глава книги «По Уссурийскому краю»). Автор выбирает название, исходя не из любви к личности Пржевальского, по следам которого он стремится к озеру. Если для Пржевальского Ханка – место, где прошли лучшие его дни в Приморье: «Лучшими, незабвенными днями моего пребывания в Уссурийском крае были две весны – 1868 и 1869 гг., проведённые на оз. Ханка при истоке из него р. Сунгачи» [4, с. 189], то для героя-повествователя книги Арсеньева – это место, где он впервые почувствовал близость смерти от стихии, своё бессилие и получил помощь своего проводника, сумевшего спасти свою и чужую жизни.

Арсеньев подчёркивает, что мир человека и мир природы в тайге сосуществуют, Дерсу, который «был в соответствии с окружающей его обстановкой» [3, с. 237], животных называет «люди» [3, с. 68]. В связи с этим органичным для повествования является эпизод, когда вначале животным помогает человек, а потом одно животное помогает другому. В X главе книги «По Уссурийскому краю», которая называется «Вверх по Уссури», Арсеньев описывает переправу лошадей через реку вплавь: «Сами лошади в воду идти не хотели, и надо было, чтобы кто-нибудь плыл вместе с ними. На это опасное дело вызвался казак Кожевников. Он разделся донага, сел верхом на наиболее ходового белого коня и смело вошёл в реку... Как только лошадь Кожевникова потеряла дно под ногами, он тотчас же соскочил с неё и, ухватившись рукой за гриву, поплыл рядом. Вслед за ним поплыли и другие лошади» [3, с. 111].

Эпизод отнесён к маю 1906 г., вода в реке холодная, течение сильное. В данном случае казак использует свои хозяйственные и военные навыки. Заметно, что этот эпизодический персонаж – представитель крестьянского сословия. Он не только физически силен, но и обладает должными навыками в обращении с животными в сложной ситуации.

Арсеньев писал, что никогда не брал в экспедицию жителей городов [3, с. 99]. Не будучи знакомы с миром природы, не обладая нужной физической силой, они могли быть только обузой. Кожевников выручает весь отряд, переводя лошадей с одного берега на другой.

И тут же Арсеньев описывает, как конь Кожевникова спасает ослабевшую и поддавшуюся течению лошадь, которой сам Кожевников хочет, но не может помочь: «... казак сквозь кусты пробрался к реке, остановился в виду у плывущей лошади и начал её окликать, но шум реки заглушал его голос... Белый конь, на котором сидел Кожевников, насторожился и, высоко подняв голову, смотрел на воду. Вдруг громкое ржание пронеслось по реке. Плывущая лошадь услышала этот крик и стала менять направление. Через несколько минут она выходила на берег» [3, с. 112].

В данном эпизоде животное не только представлено умным и добрым существом, помогающим человеку. Арсеньев описывает ситуацию, когда человеку не по силам сделать то, что может сделать животное, и конь понимает это и помогает спасти жизнь другому живому существу. Но в этом своём поступке он идёт вслед за человеком, понимая его намерения и невозможность для человека их исполнить. Ведь на помощь приходит именно конь, на котором Кожевников вошёл в реку и повёл за собой табун. Между человеком и конём установилась эмоциональная связь, позволившая животному стать помощником.

В этой же главе автор описывает ещё одну ситуацию, когда люди приходят на помощь животным. Выследив по полёту пчелы, где находится улей, казак Мурзин обнаружил, что на улей напали муравьи: «Интересно было видеть, как эти два враждебных отряда стояли друг против друга, не решаясь на нападение. Разведчики-муравьи бегали по сторонам. Пчелы нападали на них сверху. Тогда муравьи садились на брюшко и, широко раскрыв челюсти, яростно оборонялись... Неизвестно, чем кончилась бы эта борьба, если бы на помощь пчёлам не пришли казаки. Они успели согреть воду и стали кипятком обливаться муравьёв...» [3, с. 115].

Помощники имеют корыстный интерес – мёд, который лучше получить в тот момент, когда пчёлы спокойны. В этом маленьком эпизоде автор представил, какое разнообразие опасностей подстерегает каждое живое существо в тайге. Солдаты случайно попали на пчёл кипятком, и пчёлы напали на них. (В дальнейшем повествовании также есть эпизоды, в которых люди причиняют вред невольно, случайно, по ошибке. Например, герой-повествователь принимает Дерсу за животное и стреляет в него [3, с. 250]). Отойдя от улья, чтобы дать пчёлам успокоиться, люди пропустили момент, когда на пчёл напал медведь. Улей был разорён.

Среди эпизодов, в которых описывается помощь, есть такие, в которых помощь оказывается отряду русскими людьми, живущими в тайге. Один из распространённых мотивов связан с предоставлением убежища во время непогоды. В XI главе книги «По Уссурийскому краю» промокших во время дождя членов отряда приглашает в свой дом старовер, староста в деревне Загорная: «Узнав, кто мы такие и куда идём, он пригласил нас к себе и предложил остановиться у него в доме» [3, с. 123]. Арсеньев описывает деревню и хозяев дома с симпатией. Но жизнь в тайге связана с постоянными опасностями и это отражается на общении людей. Прежде чем пустить людей в дом, их расспрашивают. В образе старовера представлен человек, знающий таёжную жизнь и соблюдающий законы таёжного гостеприимства. Старовера не смущает, что в его чистом доме «нагрязнили», т.к. «из тайги чистым не придёшь». Членов отряда угощают, понимая, что они измотаны трудной дорогой: «Через несколько минут на столе появился горячий хлеб, мёд, яйца и молоко. Мы с аппетитом, чтобы не сказать с жадностью, набросились на еду» [3, с. 124].

В текстах Арсеньева часто встречается сходный мотив встречи отряда с коренными жителями края и китайцами, которые дают отряду

приют в своих жилищах. В данном же эпизоде автор подчёркивает естественность для русских староверов таёжной среды. Они обживают этот мир, принимают его законы, не отказываясь от своих традиций: веры, чистоты быта, патриархальности семейного уклада.

Один из видов помощи в тайге – помощь в нахождении верного пути. Человек может либо описать дорогу, либо стать на некоторое время проводником отряда. Из Загорной в Кокшаровку отряд провожает старовер Паначёв, который «только один... мог провести нас туда целиною через горы» [3, с. 124]. Образ Паначёва отличается от образа старосты. Внешность старосты, как и убранство его дома, солидна, основательна, он подчёркнуто аккуратен. Паначёв «тоже носил бороду, но так как никогда её не подстригал, то она росла у него неправильно, ключьями... Видно было, что человек этот добрый, безобидный» [3, с. 124]. Он готов помочь и понимает своё значение для отряда.

Герой как опытный таёжный житель живёт «в общении с природой» [3, с. 331]: может предсказать по приметам погоду, разговаривает с пчёлами и берёт их соты без всякой защиты своего лица, быстро преодолевает большие расстояния в тайге, по примеру китайцев для ориентации в тайге делает затёски на деревьях. Но он не избавлен от ошибок, которые может сделать человек в тайге: «Паначёв потому и заблудился, что свои знаки он ставил редко. Он упустил из виду, что со временем они потускнеют и на большом расстоянии будут видны плохо» [3, с. 131].

В эпизоде герой-повествователь также проявляет неосведомлённость, что сближает его с образом Паначёва. Воспоминания о Дерсу в этот момент являются свидетельством того, что лучший помощник именно он: «Я вспомнил Дерсу. Если бы он теперь был с нами, мы узнали бы, почему соболев остался в ловушке. Гольд, наверно, нашёл бы дорогу и вывел бы нас из затруднительного положения» [3, с. 131].

Эпизод заканчивается тем, что решение о маршруте принимается коллективно – идти по течению реки – это приводит к успеху. После того, как становится ясно, что Паначёв не может быть помощником, к его образу автор не возвращается.

Поскольку вся надежда была только на знание маршрута одним человеком, все решения о направлении движения после того, как он заблудился – идти строго на восток, идти по течению реки – принимаются коллективно, после обсуждения. Неудачливого помощника не наказывают и не осмеивают, но сам он очень переживает свою несостоятельность.

В XII главе книги «По Уссурийскому краю» в долине Фудзина отряд вышел на китайские фанзы: «Хозяин фанзы пригласил нас в своё помещение... Мы расположились в фанзе, как дома» [3, с. 138–139]. В этом эпизоде помощниками выступают китайцы, которые в тайге занимаются земледелием и промыслами. Арсеньев так же скрупулёзно описывает их быт, как быт староверов, но отмечает, что герой-повествователь не доверяет помощникам, которые задают вопросы о количестве людей в отряде: «Сначала я возмущался такими вопросами, усматривая в них злое намерение...» [3, с. 139]. Он так же, как в эпизоде со старообрядцами, отмечает, что путешественников угостили вкусным обедом. Есть и отличие: «Расплатившись с хозяином фанзы, мы отправились дальше вверх по реке Фудзину» [3, с. 141]. Не всякая помощь в тайге оказывается бескорыстно. В населённой цивилизованными людьми части леса действуют законы цивилизации.

Арсеньев часто пишет о том, что цивилизацию приносят в тайгу китайцы, в том числе и её пороки. Например, он пишет об эксплуатации китайцами тазов. В XIV главе книги «По Уссурийскому краю» Арсеньев описывает, как бедный таза, работающий на хозяина-китайца, отказы-

вается проводить отряд до Сихотэ-Алиня из-за страха быть убитым хозяином, но объясняет дорогу и получает за это вознаграждение: «Чтобы расположить таза в свою пользу я дал ему двадцать пять берданочных патронов. Он так обрадовался этому подарку, что стал петь и плясать и затем заявил, что укажет нам дорогу до следующей фанзы, где живут два зверовщика китайца» [3, с. 152].

Таза нарушает закон тайги, который требует помочь человеку, т.к. не живёт свободной жизнью коренного жителя, но понимание непреложности этого закона у него есть. Получение подарка для него – дополнительное напоминание о взаимопомощи, он оказывает ту часть помощи, которую может оказать.

Сами китайцы могут отказать в помощи. В XIV главе книги «По Уссурийскому краю» Арсеньев пишет: «После ужина я расспрашивал китайцев о дороге к морю. Или они не хотели указывать места, где находятся зверовые фанзы, или у них были какие-либо другие причины скрывать истину, только я заметил, что они давали уклончивые ответы... Вечером Гранатман ходил к тазам и хотел нанять у них проводника, но китайцы предупредили его и воспретили инородцам указывать дорогу» [3, с. 149].

В этом эпизоде китайцы не только сами не придерживаются таёжных законов, но и препятствуют их выполнению коренным народам. Понимая, что отряд в результате их бездействия может попасть в опасную ситуацию, они оставляют людей без помощи и вынуждают к этому тазов.

Арсеньев не даёт оценки этому поступку, но в следующем эпизоде он рассказывает о том, что дорогу отряду показал одинокий китаец, встреченный в тайге [3, с. 149–150]. Следовательно, в образе помощника можно выделить как национальную, так и личностную составляющую, которая также играет очень большую роль в его создании.

Дерсу для героя-повествователя является помощником даже не будучи рядом. Помощью являются «уроки Дерсу» [3, с. 146], которые герой-повествователь усвоил за время путешествия с ним. В XIII главе книги «По Уссурийскому краю» Арсеньев пишет: «Через полчаса я был на том месте, где расходились дороги. Я вспомнил уроки Дерсу и стал рассматривать обе тропы. Свежие конские следы шли влево. Я пошёл скорее и через полчаса подходил к Фудзину. За рекой я увидел китайскую фанзу, окружённую частоколом, а около неё на отдыхе наш отряд» [3, с. 146].

Дерсу выступает здесь как помощник, научивший путешественника определённым навыкам. В похожей ситуации у развилки троп оказались однажды солдаты из отряда путешественника. Этот эпизод – из VIII главы книги «Дерсу Узала». Тогда они выбрали неправильное направление, и Дерсу пришлось помогать им и принять меры, чтобы в следующий раз они не совершили подобной ошибки: «Но как они идут по тропе, видя, что на ней нет следов, и всё-таки продолжают идти вперёд. Мало того, они столкнули оструганную палочку... Дерсу навалил на тропу множество бурелома, нарубил кустов, подрубил и согнул соседние деревья – словом создал целую баррикаду. Завал этот подействовал. Натолкнувшись на него, Сабитов и Аринин осмотрелись и пошли как следует» [3, с. 473].

В данном случае Дерсу не только помогает солдатам выбрать правильный путь, но и объясняет, что надо искать на развилке, выбирая правильное направление. Объяснение он адресует герою-повествователю, а для солдат устраивает «баррикаду», вероятно, не надеясь, что они могут усвоить его уроки.

Тайга наполнена неизвестными для европейских людей опасностями и необыкновенными жителями. Чтобы принять помощь, надо по-

нять, о какой опасности вас предупреждают и как предлагают её избежать. Так в XV главе книги «По Усурийскому краю» Арсеньев пишет: «... он (таза – Ю.Я.) указал ту тропу, которой нам следовало держаться, и при этом, обращаясь ко мне, сказал:

– Капитан! Дорога хорошо смотри. Кони ходи есть – тебе ходи есть, кони ходи нету – тебе ходи нету.

Для непривычного уха такие фразы показались бы бессмысленным набором слов, но я понял его сразу. Он говорил, что надо придерживаться конной тропы и избегать пешеходной» [3, с. 156].

В VI главе книги «По Усурийскому краю» герой-повествователь не может наравне с Дерсу бороться за жизнь, т.к. своими действиями мешает гольду создать убежище: «В некоторых местах Дерсу не велел резать траву. Он очень сердился, когда я его не слушал.

– Тебе понимай нету! – кричал он. – Тебе надо слушай и работай. Моя понимай» [3, с. 92]. Таким образом, человек, который получает помощь, будучи лишён опыта таёжной жизни, невольно действует задом с разрушительной стихией против помощника.

В тайге не исключена ситуация, когда помощник сам может нуждаться в помощи. В XV главе книги «По Усурийскому краю» автор описывает часть маршрута, «старинный путь, по которому уссурийские манзы раньше сообщались с заливом Ольга» [3, с. 161]. Проводником отряда был пожилой китаец: «Такой большой переход трудно достался старику. Как только мы остановились на бивак, он со стоном опустился на землю и без посторонней помощи не мог уже подняться на ноги. У меня во фляге нашлось несколько капель рома, который я берёг на тот случай, если кто-нибудь в пути заболит. Теперь такой случай представился. Старик шёл для нас, завтра ему придётся идти опять, а потом возвращаться обратно. Я вылил в кружку весь ром и подал ему» [3, с. 162].

Интересно, что условием старика, когда он соглашался быть проводником, было «чтобы на него не кричали и не вступали с ним в пререкания» [3, с. 160]. Таким образом, становится ясно, что не каждый пришлый человек соблюдает таёжную этику. Для Арсеньева крик на проводника неприемлем: «О первом пункте не могло быть и речи» [3, с. 160]. Однако другие путники, вероятно, вели себя иначе. Недаром Арсеньев пишет о двух встреченных в тайге китайцах: «Вечером мне удалось уговорить их провести нас за Сихотэ-Алинь...» [3, с. 160].

Эти китайцы сами соблюдают таёжные законы, например, не смотря на скудость своих запасов еды, кормят голодных путешественников. К таким помощникам герой-повествователь испытывает тёплые чувства. О том, что пришлось отдать старику последний ром, он не жалеет, ему, скорей, приятно, что есть возможность помочь человеку, который помог отряду.

Благодарность за помощь – постоянный мотив в книгах Арсеньева. Так после пережитой ночью бури на Ханке: «Первое, что я сделал, – поблагодарил Дерсу за спасение» [3, с. 94]. Бескорыстного помощника благодарность часто смущает. Так, в вышеприведённом эпизоде Дерсу говорит: «Наша вместе ходи, вместе работай. Спасибо не надо» [3, с. 94]. Старик китаец «не хотел пить один и указывал на моих спутников» [3, с. 162].

Однако встречаются и помощники, которыми руководит прежде всего корысть. В XI главе книги «По Усурийскому краю», описывая конец экспедиционного маршрута, Арсеньев описывает «какого-то человека» [3, с. 352], везущего на станцию рыбу. Увидев, что герой-повествователь зарисовывает рельеф без перчаток и у него сильно мёрзнут руки, человек предлагает ему свои запасные перчатки: «Версты две мы шли вместе, я чертил, а крестьянин рассказывал мне про своё житьё и

ругательски ругал всех и каждого... Надоела мне эта ругань... Я снял перчатки, отдал их возчику, поблагодарил его и, пожелав успеха, прибавил шаг.

– Как, – закричал он вслед, неужто вы мне не заплатите?» [3, с. 353]. Требование крестьянина заплатить за «прокат» перчаток возмущает и солдат, и Дерсу. Гольд заявляет, что у крестьянина «нету лица» [3, с. 353]. Он также утверждает: «Моя думай, его живи не могу – его скоро сам пропади» [3, с. 353].

Таким образом, автор утверждает особую значимость бескорыстной помощи. Её привык оказывать человек, который « всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несёт городская цивилизация» [3, с. 60]. Эта мысль в афористической форме выражена в III главе книги «По Уссурийскому краю»: «Гольд заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и продовольствие... Забота о путнике!» [3, с. 64].

Тяжёлая жизнь в тайге способствует развитию у людей взаимопомощи. Человек, попадающий в тайгу из городской цивилизации, находится в ещё более тяжёлом положении: «... дожди, «гнус», голодовки и множество других лишений, которым постоянно подвергается всякий путешественник, как только он минует селения и углубится в лесную пустыню» [3, с. 99]. Всё это должен пережить тот, для кого тайга вовсе не является родным домом. На протяжении всего повествования прослеживается мысль о том, что без посторонней помощи в тайге бороться с опасностями часто бывает невозможно.

В описанных выше эпизодах мотив помощи возникает в связи с опасностью для жизни людей, поисками верного направления пути, необходимостью расположиться на отдых, необходимостью поесть на том этапе пути, когда собственное продовольствие заканчивается, необходимостью защититься от холода, необходимостью сохранить лошадей.

В роли помощника может выступать коренной житель/жители, китайцы, русские, населяющие тайгу, животные.

Помощь может быть оказана в полной мере, помощник может спасти жизнь как герою-повествователю, так и всему отряду. Помощник может не суметь оказать помощь в силу своей недостаточной компетентности. Предполагаемый помощник может отказать в помощи и запретить другим её оказывать.

Мотив помощи связан с темой культуры/цивилизации. Коренной житель считает оказание бескорыстной помощи необходимостью. Русские и китайцы оказывают/не оказывают помощь в зависимости от личных качеств.

Мотив помощи включает такой компонент, как корысть/бескорыстие. Бескорыстие свойственно тем героям-помощникам, кто близок земле: коренным жителям, староверам. Корысть свойственна определённым героям-китайцам, некоторым героям-русским.

Плата за помощь может выражаться в словах (тому герою, для которого свойственно бескорыстие); деньгах (китайцам за постой); необходимых в тайге вещах (газе, находящемся в рабстве у китайцев, старику-китайцу, потерявшему силы в пути). Возможен отказ от платы, когда помощь ничего не стоит помощнику (крестьянину не платят за перчатки). При этом эпизоды платы/отказа от платы часто эмоционально окрашены.

Новичок в тайге не всегда может принять помощь в силу недостаточности своих познаний (сбить ногой веточку, указывающую правильный путь; не понять неправильную речь коренного жителя, описывающего правильный путь).

Непонимание и незнание может быть опасно как для героя, которому оказывают помощь, так и для помощника (герой-повествователь срезает траву, которая нужна для постройки шалаша). В таком случае герой, которому оказывают помощь, выступает в роли вредителя себе и помощнику. Из этого следует, что помощник может выступать в страдательной роли – когда тот, кому он оказывает помощь, невольно подвергает опасности его жизнь.

Рассмотрев небольшой фрагмент книги Арсеньева «По Уссурийскому краю», мы выявили большое число эпизодов, связанных с мотивом помощи, в которых представлены разные виды помощи и разные типы помощников. Полагаем, что дальнейшее изучение текста в этом аспекте позволит прийти к выводам, углубляющим понимание специфики творчества Арсеньева.

Литература

1. Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6 т. Владивосток: Примиздат, 1947. Т. 3: В горах Сихотэ-Алиня. 283 с.
2. Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6 т. Владивосток: Примиздат, 1947. Т. 4: Сквозь тайгу. 143 с.
3. Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6 т. Владивосток: Рубеж. 2007. Т. 1: По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. 704 с.
4. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. 336 с.
5. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. 344 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Sobraenie sochinenij v 6 t. Vladivostok: Primizdat, 1947. T. 3: V gorakh Sikhoteh-Alinya. 283 s.
2. Arsen'ev V.K. Sobraenie sochinenij v 6 t. Vladivostok: Primizdat, 1947. T. 4: Skvoz' tajgu. 143 s.
3. Arsen'ev V.K. Sobraenie sochinenij v 6 t. Vladivostok: Rubezh. 2007. T. 1: Po Ussurijskomu krayu. Dersu Uzala. 704 s.
4. Przheval'skij N.M. Puteshestvie v Ussurijskom krae 1867–1869 gg. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 336 s.
5. Tarasova A.I. Vladimir Klavdievich Arsen'ev. M.: Nauka, 1985. 344 s.